

ДУХОВНЫЕ ТРАДИЦИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЕ ФИННО-УГРОВ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО РЕГИОНА

М. А. ЕЛДИН,

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

(г. Саранск, РФ)

Представляя собой уникальное по этническому составу, богатейшему природному, экономическому и культурному потенциалу явление, Поволжский регион остается регионом, где царят мир и согласие между народами, осуществляются самые разнообразные межнациональные контакты. Опыт региона может стать примером того, как следует искать пути выхода из кризиса культуры, преодоления многочисленных национальных конфликтов, возникающих на просторах некогда единого, стабильного и успешного государства.

Российское государство с момента своего возникновения было многонациональным. В значительной части российских регионов, в том числе Поволжском, самыми распространенными и традиционными вероисповеданиями являются ислам и православие. Проникновение мусульманских элементов культуры в духовную среду народов Поволжья могло произойти через торговые и дипломатические отношения. Исламские культурные элементы восточной (среднеазиатской) традиции проникали и на Русь: в орнаментировку архитектуры, а также в народное эпическое творчество, содержащее знание о преданиях восточных народов, соседствовавших с древнерусским обществом [3].

Одним из препятствий в усвоении ислама в среде восточного славянства была языковая проблема. Вероятно, если бы в Арабском халифате стремились приобщить славян к традициям своей культуры, то были бы приняты меры по созданию арабско-славянской азбуки. Например, Византия, а впоследствии и Русь, уже к IX в. способствовала распространению среди восточ-

ноевропейских народов славяно-греческой грамоты. Процесс распространения церковнославянского богослужения и литературы привел к существенным результатам: приобщению многих народов к универсальной христианско-византийской традиции.

В поздневизантийскую эпоху наблюдается четкий аналитический формат возможных пределов византийского культурного влияния в регионе «Большой Волги». Поволжский регион с многочисленными речными притоками и самой Волгой с древнейших времен служил важнейшей водной магистралью Восточной Европы. По Волге местные племена поддерживали обширные связи с юго-восточными и восточными народностями. Это был регион интенсивных взаимовлияний различного круга традиций и культур.

Византийский мыслитель, философ Георгий Гемист Плифон, великодушный знаток культурно-географических данных, в своем политическо-географическом трактате «Исправления некоторых утверждений Страбона» при характеристике Восточной Европы отмечает некоторые особенности территории нашей страны. Автор византийского «перипла» именуется ее Россией; расположена она там, где «...населяют побережье Венедского залива пермии, народ живущий охотой, а восточнее и южнее их живут мордивы и месторы. Месторы кормятся рыбой из озер в истоках реки Рас (Волга)» [1, 382]. Этнонимы Плифона поддаются достаточно точной идентификации. Речь идет об угорских народах: пермяках (коми), мордве и мещере. Данные о России, которые мы видим у Плифона,

были впервые обнародованы в кругу образованной греческой элиты.

В применении традиции византийства к полиэтнической среде даже Константинопольский патриарх не только проявляет большую терпимость, но и демонстрирует общие познания о кочевниках и их психологии. По выражению С. А. Иванова, «империя все-таки смогла выработать некую целостную и гибкую идеологию миссионерства, осуществлявшуюся смелыми, предприимчивыми и непредвзятыми энтузиастами» [8, 286].

Формирование Руси, а затем и России, и ее духовных традиций происходило при активном участии представителей различных народов Поволжья. Это объясняется прежде всего тем, что центр Руси первоначально находился на оживленном торговом пути «Из варяг в греки», а затем «на Великом Волжском пути», и само государство формировалось в процессе борьбы за контроль над этими путями. В таких условиях оказалось, что православие, традиция диалога на православной основе, идущая от полиэтнической Византии, – это не господствующая, а государствообразующая культура и религия, и удар по православию есть удар по российской государственности, изначально опирающейся на многонациональность. По наблюдению современного историка, «судьба России реанимировала православие, попавшее под пяту к туркам. Русская цивилизация... стала новой, Второй православной цивилизацией, собрав вокруг себя субцивилизации на основе других православных этносов» [4, 30].

Влияние византийской духовной традиции на российскую культуру во многих отношениях таково, что затрагивает глубинные основы исторического бытия России, многих российских народов. К XIV–XVI вв. древнерусская духовная культура оказалась основой мировосприятия многих россиян. Из рук греков и балканских славян россияне приняли просветительское знамя восточнохристианской культуры и этики и подняли его на такую духовную высоту, что святых и религиозных деятелей Руси и России стали почитать во многих регионах Евразии.

После территориального расширения Российского государства, после падения ханств Поволжья и Сибири духовная тради-

ция россиян приобретает признание как не менее универсальная, чем византийская или золотоордынская. Российская специфика в области отношений христианской и мусульманской культурно-религиозных традиций носила характер доминирующего мирного восточнохристианского синкретизма.

К концу XIII – началу XIV столетия на территории будущего этнического ядра России – Северо-Восточной Руси – возможно отметить уже сколько-нибудь разветвленную и отчасти урбанизированную сеть славянских поселений. Наиболее крупные городские центры – Суздаль, Ростов, Рязань, Муром, Нижний Новгород, происхождение которых, по данным многих исследований, было результатом взаимодействия славян и местного финно-угорского населения. Уже тогда в среде местных финно-угров: мери, муромы, чуди, мордвы, мещеры – присутствовала определенная социальная иерархия, но находились они на ином уровне социокультурного развития, нежели восточные славяне. Л. Н. Гумилев отмечает: «Наряду с татарами в великорусский этнос вошли угро-финские племена, реликтовые этносы северной части Русской равнины. Одни из них, приняв православие, слились со славянами настолько, что забыли свои былые самоназвания... Другие удержали имена своих предков: чуваша, черемисы (мари), вотяки (удмурты), мордва, ижора, вепсы и др., но это не мешало их контактам с русскими. Поскольку они жили в своих привычных ландшафтах, т. е. “дома”, их общение с великороссами следует назвать симбиозом...» [5, 639–640].

Социально-духовные противоречия последующей российской истории связаны с попытками оформить и смирить, упорядочить многообразие традиций на путях установления единовластия и единения поволжских этносов с Московской Русью. Современный российский специалист отмечает, что «в XVI в. удмурты вошли в состав Русского православного царства, идеалами которого были христианские ценности веры, надежды, любви, милосердия, самопожертвования, кротости, воздержания, служения Богу... Эти духовные ценности сохраняют союз народов России на огромной территории уже более

тысячи лет» [15, 85]. И если византийская идея иерархичности прижилась в российской традиции культурной жизни общества (особенно четко это выявилось в «поучениях» Иосифа Волоцкого), то римский прагматизм, столь свойственный византийской морали, в России не был воспринят.

Культурное сознание в Поволжье прошло довольно длительный период эволюции. Первоначально это была архаическая форма анимизма и шаманизма, где культивировалось поклонение силам живой и неживой природы (фетишизм, тотемизм, гилозоизм). Духовность финно-уграми осознавалась не как дух, а как материально действующее и существующее вещество. Душа воспринималась как некое не-я, перед которым человек иногда испытывал такой же страх, как и перед неуправляемыми природными стихиями. Поэтому первоначально в сознании мордвы родилось понятие *вий* «сила». В дни Великого поста преобладали обряды и песни *вий-анамат* (*вий* – сила, *анамат* – просить), т. е. просьба (*инялдома-э*) силы, бодрости [10, 114–117].

Рудименты политеистической (многобожной) традиции религиозности присутствуют у многих сохранивших свои древние традиции этносов и народностей. Однако по мере эволюции социокультурной организации религиозной жизни социума религиозная форма общественного сознания постепенно достигала уровня монотеизма.

О широком стремлении наладить мирный симбиоз разнородных конфессиональных культур свидетельствует множество фактов из культурной жизни России XVIII – начала XX в. Достаточно широко известен факт веротерпимого отношения русских властей к распространению ислама в Поволжье и развитию исламского просветительства уже со времен Екатерины II, которая своими распоряжениями и указами конституировала положение исламского духовенства в Российской империи. Позднее в Санкт-Петербурге было даже произведено сооружение имперской соборной мечети [2, 31].

Одновременно российская власть создавала четкую базу в области правовой регламентации православия различных региональных этносов, проживавших в Российском

государстве. Методы мирной христианизации путем увещевания и добрых примеров, а также легитимное положение нехристианских общин в России приводили к более прочной культурной спаянности российского общества. Так, христианизация мордовского народа и других поволжских финно-угров способствовала дальнейшей интеграции Поволжья в имперские структуры российского общества.

Особенностью этнокультурной ситуации Среднего Поволжья является наличие этноконтактных зон – пограничных районов края с Татарстаном, Чувашией и Мордовией. Не случайно многие исследователи отмечают, что опыт Поволжского региона является уникальным по своей специфике, социально-экономическим традициям в контексте межкультурного и межконфессионального диалога [6, 293]. Культурный диалог затронул все стороны культуры живущего здесь населения: фольклор, быт и нравы, материальное производство, религию и т. п.

Мордовский этнос был вовлечен в орбиту Российского государства в ту эпоху, когда религия являлась одним из основополагающих государственно-политических критериев, а ненасильственная просветительская христианизация – государственной политикой. По данным финского историка У. Харва-Холмберга, только с 1740 по 1762 г. православие приняли 67 580 чел. (70 %) мордвы. В случае с внедрением духовной традиции православия в Поволжье сказывался учет прежней российской политики и мирового опыта аккультурации регионов, свойственного уже европейской цивилизации [18, 15–17]. При посредстве религии многие поволжские народы окончательно вошли в систему, стягивающую этносы в рамки единого пространственно-временного континуума, при этом степень комфортности существования этносов в составе Российской империи повысилась [17, 31].

В указанный период сложилась своеобразная конфессиональная культура. Свидетельством значимости данного направления региональной культуры является сохранившееся в государственных архивах приволжских областей и республик собрание церковно-приходских летописей – одно из крупнейших в России [13, 110–112].

Следует учесть тот факт, что, осуществляя христианизацию мордовского края, православная церковь внимательно относилась к тем специфическим традициям, которые сложились в рассматриваемом регионе. Чтобы не терять верующих, священнослужители изучали обычаи мордвы и в поисках компромисса даже принимали участие в традиционных «молянах» и «озсах», постепенно меняя их смысл.

Отметим и то обстоятельство, что русское имперское правительство довольно рано стало исходить из понимания фактора полиэтничности России как эффективной модели управления государством. Современный исследователь духовной культуры россиян верно замечает: «...предметом показной идейной гордыни было многообразие племен, вер и языков» [7, 166]. В то же время в области мыслительной традиции российская интеллектуальная элита усваивала образцы уже из западноевропейской научной традиции. По выражению Г. Г. Шпета, «мы входили в Европу исторической и этнографической загадкой. Таковою были и для себя. Мы все могли получить от Европы уже в готовом виде, но чтобы не остаться самими в ней вещью, предметом познания, чтобы засвидетельствовать в себе также лицо, живой субъект, нам нужно было сознать и познать себя» [16, 262]. Действительно, в эпоху Нового времени на место прежних – сакральных – ценностей особой державности приходят новые идеалы, и прежде всего сциентизм и технократизм. Среди высоких социальных идеалов государство трансформируется в утилитаристский механизм могущества российской государственности.

В культурной сфере общественного сознания россиян имперского периода оказались отображены не просто политические символы, но образы идеалов, воплощенные в практике политиков и духовных мыслителей и вместе составляющие идеал общества, пронизанный идеей соборности. Выдающийся имперский дипломат и философ России XIX в. К. Н. Леонтьев предупреждал о большой опасности, грозящей российскому обществу в случае отхода от старинных традиций общероссийской духовности: «Идея национальностей чисто племенных, в том виде, в

каком является в XIX веке, есть идея, в сущности, вполне космополитическая, антигосударственная, противорелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего созидającego» [9, 41]. Именно национальный эгоизм, усвоенный с Запада, оказался губительным и опасным для отечественной культуры и грозит ей, по мнению К. Леонтьева, окончательной фрагментацией.

В философской мысли России имперского периода неуклонно продвигался тезис об имперском, и притом православно-теологическом, единении полиэтничного российского общества. Как писал относительно феномена многонациональности российской цивилизации выдающийся русский философ конца XIX столетия В. С. Соловьев, «... раз мы признаем единство человеческого рода... раз мы признаем это субстанциональное единство, мы существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации» [12, 220].

Новейшая эпоха развития российского общества четко поставила в качестве важного фактора социокультурного бытия вопросы духовной суверенности общества. Трудно не согласиться с мнением, высказанным современным исследователем относительно настоящего состояния культурной российской традиции, о том, что «Россия страдает не от избыточной традиционности, а от сильного разрушения традиционной институциональной матрицы» [11, 51]. Для россиян как сообщества традиционалистского (в своей культурной основе) важными являются как этнические, так и культурно-религиозные аспекты проблем бытия региональных этносов в условиях полиэтничности современной России. Современное Российское государство носит светский характер, однако в силу исторической инерции и установившихся традиций именно православное духовно-культурное наследие, представленное в различных структурах Русской православной церкви, является существенным стабилизирующим фактором российской общественной жизни.

Поскольку логично согласованной теории межрегионального и межэтнического диалога традиций по сей день не существует, то отечественная общественная мысль сегодня обнаруживает довольно осторож-

ное отношение к проблемам подходов к определению сущности указанных явлений. В. А. Тишков довольно критично замечает относительно контекста новейших социокультурных исследований: «Большинство из этих категорий с научной точки зрения уязвимы, уязвимы или просто бессмысленны, а с общественно-политической точки зрения порождают тупиковые стратегии и дезориентирующее насилие повседневного сознания граждан» [14].

Диалог мировоззрений и толерантность стали девизом современной ситуации общественного бытия. Ксенофобию равно питают как широко осуществляемая в СМИ проповедь «атеофобии», так и продолжающиеся со стороны ряда недавних «воинствующих атеистов» хлесткие обличения богословия в догматизме и косности. Толерантность – редкое для отечественного менталитета качество, ему следует учиться. Важной задачей в настоящее время является воспитание культуры межконфессионального общения в системе образования. Несовершенство правовой базы межрелигиозных взаимоотношений, недостаточная компетентность кадров государственных служащих нередко приводят к политическим ошибкам. Не меньшую

роль в этом играют и относительная новизна и малоисследованность самой проблемы.

Специфика общественной жизни российских финно-угров складывалась и модифицировалась в условиях самоопределения в нравственно-культурных категориях, в полемике ортодоксальной доминанты религиозной культуры России с еретическими течениями, инославными конфессиями и нехристианскими религиями. Основу религиозного сознания в России уже в процессе ее созидания составляло конфессионально-культурное наследие Руси, заложившее теоретическую и практическую базу христианской духовности россиян.

В связи с указанным выше развитие межэтнических, межрегиональных отношений и формирование этнокультурного диалога на основе учета опыта российских регионов остаются наиболее актуальными в исследованиях современного социума. Очевидно, что результативность социально-гуманитарных исследований во многом зависит не только от социально-экономических факторов, но и от того обстоятельства, насколько внимательно будут учтены исторические уроки и состояние духовной атмосферы в зонах межконфессионального и межэтнического диалога народов современной России.

Поступила 08.11.2013

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бородин, О. Р.* Развитие географии в поздней Византии // *Культура Византии*. – М., 1991. – С. 376–394.
2. *Бякишев, В.* Первая в столице // *Наука и религия*. – 1987. – № 5. – С. 30–33.
3. *Вагнер, Г. К.* Искусство Древней Руси / Г. К. Вагнер, Т. В. Владышевская. – М.: Искусство, 1988. – 255 с.
4. *Володихин, Д.* Условие sine qua non... Цивилизация и традиция // *Традиция и русская цивилизация* / Д. Володихин и др. – М., 2006. – С. 7–61.
5. *Гумилев, Л. Н.* Чтобы свеча не погасла : сб. эссе, интервью, стихотворений, переводов / Л. Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 560 с.
6. *Елдин, М. А.* Философские проблемы взаимодействия духовных традиций российских народов в Средневожье // *Историко-культурные аспекты развития полиэтничных регионов России : материалы X Сафаргалиевских науч. чтений*. – Саранск, 2006. – С. 293.
7. *Ерасов, Б. С.* Социальная культурология : в 2 ч. / Б. С. Ерасов. – М.: АО Аспект-Пресс, 1994. – Ч. 2. – 240 с.
8. *Иванов, С. А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из варвара христианина? / С. А. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
9. *Леонтьев, К. Н.* Избранное / К. Н. Леонтьев. – М.: Московский рабочий : Рарог, 1993. – 400 с.
10. *Ломшина, Е. Н.* Роль этноэтики в подготовке кадров сферы культуры // *Интеграция образования*. – 2006. – № 4. – С. 114–117.
11. *Паин, Э. А.* Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX–XXI веков // *Обществ. науки и современность*. – 2011. – № 2. – С. 43–57.
12. *Соловьев, В. С.* Спор о справедливости : соч. / В. С. Соловьев. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков : Фолио, 1999. – 864 с.
13. *Тихонова, А. Ю.* Историография изучения культуры региона с XVIII до начала XX в. // *Традиция и модернизация в развитии регионов : философия, политика, социология, история* : сб. науч. ст. – Саранск, 2006. – С. 104–124. – (Прил. № 7 к журн. «Регионология»).
14. *Тишков, В. А.* О нации и национализме. Полемические заметки // *Свободная мысль*. – 1996. – № 3. – С. 34.
15. *Шкляев, В. В.* Судьба народов России : исторический опыт Удмуртии // *Православное Приволжье*. – 2008. – № 1. – С. 84–87.
16. *Шпет, Г. Г.* Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. – М., 1989. – С. 11–342.
17. *Юрченко, В. А.* Мордовский этнос в системе Российской империи : XVIII – начало XX века // *Вопр. истории*. – 2004. – № 4. – С. 26–37.
18. *Harva, U.* Die religiösen Vorlesungen der Mordvinen / U. Harva. – Helsinki, 1953. – 421 S.